

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПЕРЕБЕЖЧИК

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Перебежчик

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Перебежчик / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-092027-3

1943 год. Оперуполномоченный СМЕРШа младший лейтенант Егор Ивашов командирован в Сумы. Здесь он узнает, что после отступления немцев один из них, ефрейтор Ральф Херманн, остался в городе и хочет сотрудничать с советской контрразведкой. После проверки оперативники дают Херманну задание вернуться в штаб своего корпуса, сделать копии секретных документов и передать их через связного. Немец соглашается. Но накануне заброски совершает поступок, после которого чекистам становится ясно, что перед ними не раскаявшийся ефрейтор, а хорошо подготовленный хитрый и опасный враг.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092027-3

© Сухов Е. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1. Любовь нечаянно нагрянет	6
Глава 2. Задумка капитана Мишелевского	12
Глава 3. Уно Калдма, он же агент Альфред	17
Глава 4. Орден Красного Знамени	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Сухов

Перебежчик

© Сухов Е., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1. Любовь нечаянно нагрянет

Младший лейтенант Ивашов возвращался в свой полк из дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ и был вполне доволен собой. Тот факт, что он изобличил и поймал немецкого шпиона, окопавшегося в штабе части, полностью оправдывал его назначение полковым оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ. Но одно дело, когда ты сам осознаешь, что служишь на своем месте, и совсем другое, если точно так же считает и начальство. Представление к ордену Красного Знамени, о котором ему объявил майор Стрельцов, стало лишним тому свидетельством.

По дороге в расположение полка Егора нагнал странный гремящий караван, состоящий из подвод, нагруженных тазами, корытами, котлами, большущими бочками с дырками на дне и пузатыми самоварами на несколько ведер воды. Замыкали его две скрипучие телеги, на которых разместились дюжина веселых молодых девчат. Верховодила ими крупная плотная тетка с погонами старшего сержанта медицинской службы. Она громко, не особенно выбирая выражения, покрикивала на своих подчиненных в юбках и в особенности на солдат. Эти герои, ясен пень, пытались подсесть к девчатам и завести с ними недвусмысленный разговор.

Один из них озвучил совершенно невинное желание встретиться вечером где-нибудь в густом ивняке за расположением полка.

– И что мы с вами будем там делать? – поинтересовалась особа, что была побойчее, целомудренно потупляя взор.

«Эх, наивность!» – Солдатик хитро улыбнулся и ответил:

– Как это «что»? Разговаривать, так сказать, о мирной, счастливой жизни!

– И это все? – Девчонка надула губки, сделала обиженное лицо. – Фу, если одни разговоры, так это совсем не интересно.

– А мы кое-что и поинтересней можем придумать, – уже на полном серьезе проговорил солдат, ловя взор барышни.

Тетка-командирша на сей раз смолчала, но испепелила обе стороны суровым взором, и диалог мигом сошел на нет. Перечить своей начальнице девушки не решались, а солдатам ослушиваться старшего по званию было запрещено армейским уставом. Война – дело суровое, тут и до штрафной роты можно запросто докатиться.

Скоро по всему полку разнеслась благостная новость. В расположение части прибыл полевой прачечный отряд, состоящий из вольнонаемных девушек. Обязанностью такого военно-медицинского формирования была стирка белья и обмундирования солдат, а также паровая прожарка вещей от вшей и прочих вредных паразитов.

Если это событие и не было праздником для солдата, таким, как, к примеру, баня, то оно уж точно являлось неординарным и весьма полезным. Появление гражданских девушек в расположении полка всегда было большой радостью. Их задорный смех заставлял бойцов хотя бы ненадолго забывать о войне, напоминал о мирной жизни, о женах и любимых девушках, которые с нетерпением ждали возвращения с войны своих мужчин.

У широкого гремучего ручья с запрудой для личного состава прачечного отряда была поставлена большая палатка. Добровольцы из солдат мигом сколотили возле нее столы для корыт, устроили кострища для прожарочных камер-бочек и котлов. А уж благодетелей, желающих наносить воды и наколоть дров, было хоть отбавляй. Соскучились мужики и парни в военной форме по мирным работам. Ну и по девчатам, конечно, тоже.

Поглазеть на это самое прачечное воинство пришли едва ли не все солдаты, свободные от нарядов и караулов. Тайком покинули лазарет и приковыляли даже те страдальцы, которые не могли ходить без приятельского плеча. Подтянулись и полковые офицеры. Некоторые молоденькие прачки были очень даже ничего.

Ажиотаж, вызванный прибытием полевого прачечного отряда, не на шутку беспокоил полковых командиров. Уже через пару часов по прибытии прачечного воинства начальник штаба майор Степанов выдал специальный приказ по полку, строго расписывающий дни и часы прачечного обслуживания батальонов, рот, взводов, батарей и прочих полковых подразделений. Ежели патрули теперь заставляли какого-либо не в меру шустрого солдата возле прачечной рати во внеурочный для его подразделения час, то этот боец получал взыскание, подчас весьма строгое. Так что число красноармейцев, слоняющихся без дела возле палатки и пруда, значительно поуменьшилось.

Не остался в стороне от значимого полкового события и младший лейтенант Ивашов. Пообедав, он двинул к ручью с запрудой, оправдывая такое решение тем, что по своим служебным обязанностям должен быть в курсе всего, что происходит в части. И даже немного за ее пределами.

Девушки уже всю были заняты стиркой и дезинсекцией обмундирования. Они дисциплинированно стояли рядом за столами, сколоченными добровольными помощниками, и стирали в корытах белье. Возле них лежали кучами солдатские гимнастерки, рубахи и подштанники. Некоторые тряпки были отмечены пулями, кровью, а то и результатами той самой медвежьей болезни, которая охватывает человека от страха. Причин для этого на фронте бывает более чем достаточно.

«Та еще работенка, – подумалось Егору. – Несладко девчатам приходится. Всю войну с корытом и грязным солдатским бельем, нередко окровавленным, часто завшивленным. Наверное, и норма у них по стирке имеется, причем немалая. Они ведь сами вызвались фронту помогать. Я бы этим девчатам ордена за их работу давал».

Младший лейтенант подошел ближе.

Возле одной из раскаленных прожарочных бочек, зовущихся в обиходе вошебойками, ловко орудовала со стиранным бельем хрупкая девушка в темно-синей юбке и солдатской рубахе, рукава которой были засучены выше локтей. Она подвешивала белье на крюки и помещала его в бочку, всякий раз рискуя обжечься.

Под вошебойкой в чане булькала кипящая вода, уже испускающая горячий пар. Жар проникал в бочку через нижние отверстия. Высокая температура обеззараживала белье, уничтожала вшей, чесоточных клещей и прочую заразу. После чего пар выходил из бочки через верхние отверстия. Именно так дезинфицировалось солдатское белье еще в империалистическую войну. А что, старый способ – он самый верный.

Запустив очередную партию белья в вошебойку и закрыв крышку, девушка выпрямилась, смахнула со лба густые русые волосы и увидела Ивашова.

– Может, вам постирать чего, товарищ младший лейтенант? – спросила она озорно и весело, немного странно вглядываясь в лицо Егора.

– Нет, спасибо, – смущенно ответил Ивашов.

– Да вы не тушуйтесь, Егор Фомич, – заявила девушка и усмехнулась. – Мы тут ко всему привыкшие.

То обстоятельство, что девушка назвала его по имени-отчеству, заставило Егора вздрогнуть. Как ни всматривался в нее Ивашов, но вспомнить так и не сумел.

– Вы не узнали меня, товарищ младший лейтенант, – без малейшего намека на вопросительную интонацию и с едва различимой обидой в голосе произнесла она. – Неужели я за два года так сильно изменилась?

Егор Ивашов удивленно сморгнул и молча уставился на девушку. Он тщетно силился вспомнить, в каком месте и когда они могли познакомиться. В памяти вдруг воскресло нечто далекое, очень туманное, не способное собраться в единое целое. Девушка была пригожая, обычно такие запоминаются. А тут вот угораздило забыть!

Младший лейтенант испытывал большую неловкость, уже жалел о том, что завернул на прачечную площадку. Других забот ему, что ли, мало!

– Ну же. – Девушка улыбнулась. – Июнь сорок первого года, Коломыя, улица Андрея Чайковского, вход в городской парк. Играла музыка, пел Утесов. Неужели не помните?

И Егор вспомнил.

Курсантов Коломыйской окружной школы младшего начальствующего состава в субботу, двадцать первого июня, отпустили в город. Тогда они еще не знали, что это была их последняя увольнительная.

Егор Ивашов и его приятель Роман Бойко ходили в кино, поели мороженого и напоследок решили пройтись по городскому парку. У входа в него с улицы Андрея Чайковского им повстречались две молоденькие, очень хорошенькие девушки.

К немалому и очень приятному удивлению парней, они говорили между собой по-русски. Для Коломыи это была огромная редкость. Оно и неудивительно. Ведь город вошел в состав Советского Союза совсем недавно, меньше двух лет назад, осенью тридцать девятого. До этого он был польским, а населяли его в основном украинцы, причем такие, которых едва понимали жители Полтавы. Эта загадка разрешилась чуть позже.

Прыткий Бойко тут же начал знакомиться, рассказывать красавицам байки про курсантскую жизнь, всячески старался рассмешить их, чтобы снискать расположение. Обычно это ему удавалось.

Получилось и на этот раз. Девчонки разговорились. Оказывается, родители этих подружек чуть больше года назад были переведены в Коломыю из Смоленска и работали на железной дороге.

Егор был не столь смел с девушками. Он неожиданно для себя почему-то представился по имени-отчеству и больше помалкивал, посматривая на часы. До окончания увольнения оставался всего-то час. А Бойко уже договаривался с девушкой по имени Зоя встретиться в следующую субботу здесь же, у входа в городской парк.

Вторая девушка, которую звали Рита, выглядела посерьезнее. Во всяком случае, смеяться в ответ на шутки Бойко она была не расположена. Честно признаться, они были не очень остроумными. Роман явно придумывал их по ходу разговора.

Рита все время посматривала на Егора, словно чего-то ожидала от него. Однако Ивашов был малоразговорчив. Он перекинулся с Ритой всего парой ничего не значащих фраз.

Еще через пятнадцать минут они разошлись. Ивашову и Бойко надлежало вернуться в школу к ужину.

Конечно, Егор с Романом не знали, что девушки после их ухода еще долго обсуждали эту нечаянную встречу.

Зоя заявила, что если они увидятся в следующую субботу и Роман пригласит ее куда-нибудь в уединенное место, то она отказываться не станет.

– Соглашусь я, конечно, не сразу, – сообщила она Рите, влажно поблескивая глазами. – Пусть он не думает, что я девушка доступная. Парни, конечно, любят, когда их убажают, но на таких не женятся, – уверенно констатировала Зоя. – Поломаюсь для приличия, но немного, – продолжила девчонка строить планы на следующую субботу. – Иначе он может потерять ко мне интерес и найти другую. Вон их сколько бродит. – Зоя мазнула взглядом по девушкам, выходящим из парка. – А потом соглашусь! И сделаю так, чтобы он хотел со мной встречаться еще и еще.

– Как? – спросила Рита и посмотрела на подругу.

– Да очень просто, – с усмешкой ответила Зоя. – Для начала я дам ему себя обнять и поцеловать. Пока в щечку. Парню, конечно, захочется чего-то еще, но я в первое свидание больше ничего не позволю. Однако надежду дам. Чтобы он там, в своей сержантской школе, всю неделю думал обо мне и мечтал о новой встрече. Когда мы увидимся в следующий раз, то,

может, поцелуемся в губы. Один раз, не больше. На новом свидании я разрешу ему потрогать мою грудь, дам понять, что не против, если последует продолжение. Но не сегодня. Уверена, он больше ни о чем другом и думать не сможет, как о новой встрече со мной. И ни на какую другую девушку уже не посмотрит. А что это значит? – спросила Зоя и лукаво посмотрела на подругу.

– Что? – Рита подняла брови.

– А это значит то, что он мой! – заявила Зоя и засмеялась. – Весь! Со всеми своими мыслями. – Она слегка прищурилась и добавила: – И мужскими достоинствами. Ну а твой-то тебе понравился? – спросила подруга Зоя, переводя разговор на Егора.

– Да, – просто ответила Рита.

– Ну так действуй, подруга!

Может, Рита и последовала бы совету приятельницы, умудренной опытом. Егор очень ей понравился, и она отдала бы многое, чтобы еще раз увидеться с ним. Но так уж вышло, что на следующий день началась война. Курсантов окружной школы младшего начсостава разбудили в пятом часу утра взрывы авиабомб и звон выбитых стекол.

А потом был шестисоткилометровый пеший марш до Киева. Вернее, за Днепр, до Броваров. Шли по сорок, а то и пятьдесят километров в день, не ведая, когда выйдут к своим. Курсантам казалось, что линия фронта двигалась на восток быстрее, нежели шагали они. И было уже не до девушек и любви. Парни все время хотели есть, а еще больше – спать. Они мечтали о том, чтобы все это поскорее закончилось. Как и где – уже не столь важно.

До своих курсанты школы младшего начальствующего состава все же дошли. Но им и потом было совсем не до свиданий.

– Рита, я вас вспомнил! – едва ли не воскликнул младший лейтенант Ивашов, весьма обрадованный этим обстоятельством.

Его неловкость сразу улетучилась. Егор Ивашов почувствовал себя куда более свободно, как будто бы встретил человека, с которым был давно и очень хорошо знаком.

– Простите, что не сразу вас узнал. Но с тех пор столько всего случилось. И не расскажешь!

– Это верно. – Девушка помрачнела. – Началась война.

– Значит, вы теперь в полевом прачечном отряде, – произнес Ивашов, оглядывая хозяйство.

– Ну, не то чтобы только теперь. – Рита продолжала хмуриться, наверное, вспомнила что-то неприятное для себя. – Если быть точнее, то с весны сорок второго года, – безо всякой интонации добавила она. – В январе я узнала, что моих родителей расстреляли немцы. Они не успели эвакуироваться из Коломыи. А я вот, как видите, успела. Эвакуировалась вместе с нашим техникумом. И как узнала о смерти родителей, так сразу отправилась в военкомат, хотела пойти на фронт медсестрой, а меня вот сюда определили. Записали в прачечный отряд. Объяснили, что это тоже фронт, что помогать можно и здесь. Ведь кто-то же должен стирать солдатам обмундирование. С тех пор я тут.

– Радзинская! – Голос плотного старшего сержанта медицинской службы с выдающейся грудью был под стать ее фактуре. – Пора вошебойку освобождать, не видишь, что ли! Кто за тебя это делать будет, Пушкин Александр Сергеевич? – Старший сержант недовольно зыркнула в сторону Ивашова.

Будь он не в офицерском звании, она непременно вернула бы ему что-нибудь колкое. За такой бабой это явно не заржавеет.

– Все, товарищ младший лейтенант, мне пора. – Рита метнулась к бочке, потом почти бегом вернулась и сказала: – Приходите сегодня вечером к запруде. Часов в девять. Я вас ждать буду.

– В девять. Хорошо... – не очень уверенно ответил Егор.

Его еще никто не приглашал на свидание, да и сам он отважился это сделать всего-то раз в жизни, зимой сорокового года. Поэтому предложение Риты встретиться сегодня вечером оказалось для него не просто неожиданным. Оно было сродни грому посередине ясного неба.

– Ну вот и договорились, – сказала Рита. – А вам точно ничего не надо постирать?

– Точно, – ответил Егор Ивашов и заставил себя улыбнуться.

– Ну и хорошо.

Вечером, когда Егор подошел к запруде, Рита уже была там.

Девушка заметно обрадовалась его приходу, что немного смутило младшего лейтенанта. Он не знал, как вести себя в таком случае. Опыт в общении с девушками был небольшой, едва ли не нулевой.

Молодые люди пошли по тропинке в сторону перелеска. Маргарита рассказывала о себе, о школе, техникуме, о близких подругах-прачках, с которыми буквально породнилась. Она хотела, чтобы Егор узнал о ней как можно больше, чтобы между ними не осталось каких-либо неясностей, недоговоренностей, чтобы он поскорее увидел, какая она хорошая и добрая, оценил ее качества по достоинству. Ведь этот парень понравился ей еще тогда, вечером двадцать первого июня сорок первого года. Будь она побойчей, так у них с первой встречи завязалось бы хорошее знакомство. Конечно, им помешала бы война, но они могли бы писать друг другу трогательные и нежные письма. Так делали многие другие люди. Сегодняшняя встреча могла бы стать совсем иной, куда более теплой, что ли, душевной.

Егор же о себе говорил скупой. Да и что такого особенного он мог рассказать, если с самых первых месяцев службы в Красной армии учился задерживать нарушителей границы. Потом, находясь на службе в пограничном полку НКВД, опять-таки ловил диверсантов, дезертиров и бывших полицаев. Да и теперь, когда Егор Ивашов стал оперуполномоченным полковой контрразведки СМЕРШ, род его занятий, собственно, не особо изменился. Так что никакой личной жизни у младшего лейтенанта не было да и быть не могло.

– Трудно, наверное, вам... – Егор быстро поправился, – тебе приходится. Фронт – вот он. Да еще одни мужики кругом.

– Трудно было на первых порах, с непривычки. Руки-ноги гудят, спину ломит. Как только выдается передышка, валишься на ворох белья и засыпаешь. Обстираем одно подразделение, сразу получаем приказ выдвигаться в расположение следующей части. – Рита вздохнула, мельком глянула на Егора и продолжила: – А мужчины нам всегда помогают, и дрова поколют, и воды принесут. Сейчас, летом не так много работы. Зимой побольше бывает. – Маргарита даже слегка поежилась. – Тогда помимо гимнастерок, штанов и белья приходится стирать телогрейки, ватники и халаты эти... да, маскировочные. Они все такие тяжелые, смерзшиеся. Некоторые насквозь в крови. Или совсем не белые, а черные от грязи. Их в первой воде стирать нельзя. Она сразу становится черная либо красная. А белье, прежде чем сушить, мы пропитываем специальным мыльным раствором против вшей. Ведь дуст не очень-то помогает. Такой от этого мыла запах ужасный, что многих девчонок поначалу тошнило. И меня тоже. А потом ничего, попривыкли. Кровь же мылом не отстирать, содой надо. Каустической. Руки после нее сильно трескаются. А вот летом – совсем другое дело. – Рита замолчала и посмотрела на свои руки в мелких трещинках.

Егор в порыве жалости и нежности вдруг неожиданно для самого себя обнял ее за плечи. Девушка не отстранилась, не фыркнула, напротив, прильнула к нему, как тростинка на сильном ветру к крепкому дереву, да так и застыла.

Она посмотрела на него снизу вверх и заговорила немного тише:

– А еще бывает трудно, когда вдруг среди белья попадет гимнастерка без рукава, кальсоны без штанины. Первый раз, когда я такое увидела, сразу представила случившуюся беду

и заплакала, не удержалась. Ведь это чей-то сын или муж. Может, любимый. Стирала и полоскала в воде пополам со слезами. Потом как-то попривыкла. Оказывается, на войне можно привыкнуть ко многому. – Рита опустила голову и замолчала.

Начался перелесок, реденький, вдоль и поперек перепаханый гусеницами танков так, что было не видно травы. А они не замечали ничего вокруг, шли по тропинке. Запахло хвоей и еще тем цветочным настоем, который бывает только в лесу.

Егор шел, обняв девушку за плечи. То, что творилось в этот момент в его душе, вряд ли поддавалось какому-либо определению. Ему было просто хорошо, а слова оказались совсем не нужны.

– Да ну ее, эту стирку, – произнесла Рита и еще сильнее прижалась к Ивашову.

Похоже было, что девушка чувствовала то же самое, что и Егор.

– Ну ее, эту войну. Нам что, больше не о чем поговорить?

– И правда, ну ее, а то ведь так можно и...

– А ты целовался с девушкой? – неожиданно спросила Рита, не дав Егору договорить.

Ивашев был застигнутый врасплох, сам того не желал, но ответил правдиво:

– Да, два раза.

– Ну тогда вот тебе третий. – Маргарита остановилась, заглянула Егору в глаза, поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

Получилось очень крепко.

Мужчины любят бойких девушек. Это правда. Не все они говорят об этом вслух и стремятся связать с такими особами свою дальнейшую жизнь, но с ними, лишенными робости и стеснения, быть вместе определенно веселее.

Егору понравилось, что Рита в их стремительно развивающихся отношениях приняла инициативу на себя, освободила его от неловкости, лишила возможности повести себя неправильно и понаделать ошибок. Ее поцелуй мгновенно сблизил их, породнил. После него стеснение стало бы уже чем-то искусственным и совершенно ненужным.

Далее произошло именно то, что нередко случается между мужчиной и женщиной, когда их связывают чувства. Егор даже не понял, как это все произошло. К нему вдруг пришло осознание того, что эта девушка ему очень дорога и он не хотел бы ее потерять.

Егор проводил Риту до самой палатки. Почти всю дорогу они держались за руки, только в самом конце неловко расцепили пальцы. Пусть их чувства останутся пока тайной для других. Да и не обязаны они делиться с кем-то своей радостью. Ибо это личное, принадлежащее только им двоим.

Расставаться им очень не хотелось. Они еще долго стояли возле одинокой сосенки недалеко от палатки, так и не решаясь пожелать друг другу спокойной ночи.

Наконец-то Рита ушла. Девушка не стала говорить ему о новом свидании; просто нежно посмотрела в глаза, кивнула на прощание и скрылась в палатке.

В эту ночь младшему лейтенанту Ивашову не спалось. Сперва он вспоминал каждый взгляд, нечаянное слово, малейший жест Риты. Потом и все остальное. Его сердце впервые было наполнено чем-то значимым, неизведанным ранее, чего невозможно было определить словами. Их просто не хватало для этого. Такое можно было только почувствовать.

Потом Егор как-то незаметно для себя заснул. Безмятежно и спокойно. Ибо все, что с ним случилось за этот долгий день, должно было произойти. Очевидно, так предначертано распорядителем человеческих судеб. Ведь он опять встретил девушку, которая с первого раза ему очень понравилась. Вот только последующие испытания напрочь вытерли из памяти многие сильные впечатления, пережитые им в мирной жизни.

А если они все-таки повстречались, значит, так было нужно им обоим.

Глава 2. Задумка капитана Мишелевского

Начальник «Абвергруппы-206» капитан Эрнст Мишелевский не хотел верить, что русские когда-нибудь перейдут Псел и возьмут Сумы. Ему очень не хотелось уезжать из Писаревки, куда его разведгруппа в конце мая перебралась из города Богодухова. За два месяца он и его люди крепко обжились в этом поселке, бывшем волостном центре Сумщины, обустроили для себя вполне сносный быт, насколько это возможно на войне, в прифронтовой полосе.

Лейтенант Альгорн даже обзавелся милой подружкой, эдакой сельской нимфой по имени Анна, чему капитан Мишелевский тайно завидовал. Наверное, в нем бунтовала та частичка крови, которая досталась лейтенанту от его французской прабабушки.

Однажды Эрнст Мишелевский в порыве зависти хотел даже попенять своему заместителю, заявить, что тот слишком много времени проводит со своей Анхен. Это в то самое время, когда каждый истинный патриот великой Германии должен отдавать фюреру все свои силы и время. Но капитан очень кстати вспомнил, что лейтенант Ганс Алиш, работающий с резидентурой и агентами не под своей фамилией, а под псевдонимом Альгорн, являлся человеком доктора Коха. А майор Кох руководил «Абвергруппой-206» еще до капитана Мишелевского и являлся, да и по сей день оставался доверенным лицом самого рейхсминистра восточных оккупированных территорий обергруппенфюрера Альфреда Розенберга. Поэтому пенять лейтенанту Гансу Алишу капитан Мишелевский как-то передумал.

Партизаны в окрестностях Писаревки не появлялись. Правда, в прошлом месяце неподалеку от поселка приземлились трое русских парашютистов, но лейтенант Август Роотс со своей ягдкомандой загнал их в разливные топи реки Олешни. Поскольку советские агенты не пожелали сдать, он спалил их из огнемета.

Лейтенант доложил капитану Мишелевскому об успехе операции и с веселым злорадством добавил:

– Ох как визжали эти русские свиньи!

Писаревка устраивала Мишелевского еще и тем, что от нее на село Стецковку и дальше, на город Сумы шла вполне сносная трасса. По этой дороге до Сум на двадцатипятикилометровом «Кюбельвагене» езды всего-то чуть более получаса. И вот вам уже цивилизация! Не ахти какая, конечно, но парочка сносных ресторанов и драматический театрик с дивертисментами после восьмидесятиминутного спектакля там все же присутствовали.

В театре служили актриски и певички на самый разный вкус. Доступны, естественно, были не все. Но хватало и таких особ, которые не чурались приключений с симпатичным немецким офицером.

Правда, тут следовало действовать осторожно, особо не распространяться о своих победах над местными красавицами, поскольку начальство не одобряло слишком тесных связей со славянками. Капитан Эрнст Мишелевский мог припомнить пару случаев, когда подобные романы прерывали карьеры самых перспективных офицеров.

В самом городе в конце июля сорок третьего года уже чувствовалась какая-то нервозность. Немцы перестали церемониться с местным населением. Если еще год назад за спекуляцию городской суд, работавший при оккупантах, давал двенадцать месяцев принудительных работ, то теперь за то же самое можно было загреметь в тюрьму на три года с полной конфискацией имущества.

Торговля на рынках и базарах свернулась как-то сама собой. Исчезли коммерческие палатки и лабазы с площадей и больших перекрестков. Люди теперь стали продавать и покупать гораздо меньше. Они разъезжали по близким и дальним селам и обменивали вещи на продукты.

За взятку в крупном размере теперь вместо тюрьмы могли и к стенке поставить. А за чтение советской листовки грозил расстрел на месте. Смешно, конечно, но такое же наказание полагалось за вооруженный разбой и грабеж.

Количество арестованных было столь велико, что немцам пришлось устроить филиал тюрьмы в здании клуба рафинадного завода. Заключенных кормили нерегулярно. Если бы не родственники, которые носили им еду, то положение арестованных было бы не намного лучшим, нежели у пленных красноармейцев, содержащихся в заводском общежитии того же рафинадного завода.

Заключенных, как и военнопленных, немцы ежедневно гоняли на работы. С теми людьми, которые нарушали установленный порядок, пытались сбежать или были настолько слабы, что не могли работать, они не церемонились, расстреливали в карьере кирпичного завода или прямо в хозяйственном дворе тюрьмы.

В начале августа работники городской комендатуры всю ночь сжигали в огромных жестяных бочках с дырками какие-то бумаги, не иначе как свой архив. За данной процедурой лично следил комендант города подполковник Шimmel. Это было скверным знаком. Сдача города Сумы русским, увы, не исключалась.

Передышка на фронте, начавшаяся еще в марте, явно затянулась и грозила в скором времени вылиться в настоящую мясорубку. Причем не важно, кто первый ее закрутит, немцы или русские. Но в том, что скоро начнется нечто мощное и кровавое, уже ни у кого сомнений не было. Так всегда случается после затяжного затишья, когда обе стороны усиленно наращивают боевую мощь. По масштабам это будет второй Сталинград, если не гораздо хуже.

Однако все это не означало, что пора паковать вещи и ожидать переброски «Абвергруппы-206» куда-нибудь под Киев или еще западнее. Напротив, надлежало усилить работу с агентами, произвести их массовую заброску в прифронтовую полосу, поближе к стратегическим объектам и коммуникациям – железнодорожным узлам, мостам, линиям связи. Когда Красная армия начнет наступление, эти люди будут всячески мешать ее дальнейшему продвижению.

Командир отделения ягдкоманды «Абвергруппы-206» унтер-офицер Уно Калдма с оперативным псевдонимом Альфред был немного удивлен тем теплым приемом, какой оказал ему капитан Мишелевский. Последнее время шеф был постоянно чем-то раздосадован и озабочен. В его курчавых темных волосах теперь проблескивали седые прядки, делающие капитана импозантнее и значительно старше.

Разведгруппа под его началом каждые две недели выпекала агентов-диверсантов, которые пачками перебрасывались за линию фронта. Инструкторы и преподаватели диверсионного дела лейтенанты Горн, Донат, Гавельштадт, фельдфебели Курт Редигер и Драпель не поднимали голов от шашек со взрывчаткой, капсюлей-детонаторов и огнепроводных шнуров. Ежедневно, а то и по несколько раз в сутки недалеко от изгиба речки Олешни, за дубняком рвалась фальшивая железная дорога и горели фанерные вагоны, должны изображать грузовой состав.

Унтер-офицер Пауль Бракаге, обучающий курсантов радиodelу, едва не засыпал от усталости, убаюканный почти непрерывным пиликаньем телеграфной азбуки Морзе.

– Когда же это все кончится?.. – часто тихонько ворчал он себе под нос.

Капитан Эрнст Мишелевский, конечно, понимал, что коэффициент полезного действия этих скороспелых диверсионных групп будет совсем невелик. Однако он считал, что чем больше агентов из числа предателей будет находиться в прифронтовой полосе и в тылу Красной армии, тем лучше.

– Если не качеством, то будем брать количеством, – заявил капитан Мишелевский своему заместителю лейтенанту Гансу Алишу, или Альгорну, когда тот высказал шефу опасения в том,

что без малого две трети диверсионных групп, заброшенных в русский тыл, мигом разбегутся или сдадутся первому же попавшемуся военному патрулю.

Определенный смысл в словах начальника разведывательно-диверсионного органа присутствовал. При любом ходе военных действий бывших агентов абвера, укрывшихся в каком угодно укромном уголке огромной страны, можно найти, пусть и с трудом. Такое под силу разведывательным службам.

Любой человек, независимо от роста, веса, пола, возраста, вероисповедания, характера, всегда оставляет за собой следы. Это всякие бумаги, написанные им, фотографии, свидетельства других людей и многое иное, кажущееся на первый взгляд второстепенным, но в действительности являющееся очень даже важным.

Если победит Германия, то такой человек будет полезен на оккупированных территориях как всевидящее око, всеслышащее ухо и регулярный поставщик информации, интересующей власть и полицейские органы. То бишь как стукач. Он будет играть роль агента-осведомителя, бороться с повстанческими настроениями, саботажем, предотвращать мятежные действия разного рода со стороны поработанного контингента.

Никуда этот субъект не денется. Ибо в архиве имеются бумаги о его добровольном сотрудничестве, собственноручно подписанные данным агентом. При надобности можно напомнить ему о них.

Если победят Советы, то такой человек будет попросту бесценен в качестве агента-разведчика, шпиона, выполняющего поручения своих хозяев. То есть тех лиц, у которых будет находиться та самая бумага о его добровольном сотрудничестве с немецкой разведкой. Плюс личное дело с фотографией, анкетой, отпечатками пальцев, антропометрическими данными и служебными формулярами с различными компрометирующими материалами, изобличающими бывшего советского человека в измене Родине и пособничестве врагу.

А если случится так, что агент вдруг заартачится или у него проснется совесть, то его всегда можно припугнуть имеющимся компроматом. Мол, окажись эта информация в руках спецслужб НКВД, и тебе, предателю, попросту придет конец.

Конечно, говоря о том, что за неимением качества приходится брать количеством, капитан Эрнст Мишелевский немного лукавил. О качестве агентов он не забывал никогда. Такие люди у него, конечно же, имелись. На них всегда можно было положиться и поручить им самые сложные задания. Правда, обходились они значительно дороже, чем прочие выпускники школ, и учеба у них была подлиннее, но затраты всегда окупались сторицей.

Надо признать, что после потери Немчина-Коронера, попавшего в лапы русской контрразведки СМЕРШ, спецов такого уровня у капитана оставалось немного. Лучшими из них были трое: Виктор Ипполитович Липский-Сыч с оперативным псевдонимом Анахорет, Остап Яковлевич Хвоцинский, проходящий по радиограммам под позывным Яковлев, и Максим Иосифович Вильчко по прозвищу Цицерон, несмолкаемый говорун и великолепный рассказчик анекдотов. В «Абвергруппе-206» он проводил с будущими агентами практические задания по подрывному делу.

Эрнст Мишелевский называл этих людей своей гвардией и считал их успехи за линией фронта собственным, чисто личным достижением. Каждый из них стоил десятка рядовых агентов, если не более.

Правда, все трое были в той или иной мере засвечены и годились скорее для совершения крупных диверсий и террористических актов, нежели для глубоко законспирированной разведки во вражеском тылу. Надо прямо сказать, что эти трое не очень-то и находили для новой задумки капитана Эрнста Мишелевского, появившейся у него после провала агента Коронера.

Поэтому он и пригласил к себе Альфреда – унтер-офицера Уно Калдму. Именно ему капитан намеревался поручить задание. Руководитель «Абвергруппы-206» очень рассчитывал на то, что оно будет успешно выполнено. Такой результат наконец-то даст самому Мише-

левскому чин майора, давно ожидаемый им. Неплохим дополнением к новому званию станет Железный крест первого класса. Унтер-офицеру Калдме капитан намеревался пообещать чин фельдфебеля и Крест военных заслуг первой степени с мечами.

Эта кандидатура была выбрана Эрнстом Мишелевским, конечно, не случайно. Двадцатитрехлетний белокурый эстонец из ягдкоманды лейтенанта Роотса был смел, не особо отягощен моралью и люто ненавидел русских. А это, сами понимаете, немаловажно. В декабре сорок первого года на него обратил внимание старшина разведшколы «Лагерь № 1» бывший майор Красной армии Халапсин, оперативный псевдоним Волков. В агенты абвера этого парня завербовал начальник школы капитан Казе. Калдма подписал соответствующие документы о добровольном сотрудничестве.

В личном деле сначала курсанта, а затем действующего агента абвера Уно Владимировича Калдмы имелось все, начиная со дня его рождения и заканчивая днем сегодняшним, включая особенности характера, перечни способностей и пристрастий, привычек и слабостей. В разделе «увлечения» красовалась фраза, вызывающая улыбку: «Любит собирать грибы».

Немцы – народ дотошный, а потому пустяков для них не существовало. Ведь дьявол, как всем известно, кроется в мелочах.

Эрнст Мишелевский был вежлив и учтив. Он даже налил в пузатую небольшую рюмку настоящего французского коньяка. Уно Калдма к алкоголю был равнодушен, но коньяк выпил с удовольствием. Как откажешь начальству, когда оно само предлагает? И кажется, от души. Да и не всякий день случается откусать столь изысканный и дорогой напиток.

«Конечно, капитан вызвал меня не только для того, чтобы угостить коньяком, – подумал Уно. – Что ж, поглядим».

Эрнст Мишелевский достал из шкафа еще одну рюмку, для себя. Его тост был традиционный: «За победу великой Германии».

После двух рюмок коньяка настороженность Альфреда улетучилась как-то сама собой. Мишелевский почувствовал перемену в его настроении и задал очередной вопрос. Мол, как вы, унтер-офицер, отнесетесь к предложению вспомнить свои навыки разведчика и послужить в таком качестве на благо Третьего рейха и фюрера?

Капитан не позабыл отметить, что он, начальник разведгруппы, в данном случае не приказывает своему подчиненному, хотя имеет право поступить подобным образом. Дескать, я хочу знать, как сам агент Альфред отнесется к такому предложению.

– Я готов, – просто ответил Уно Калдма.

Эрнст Мишелевский именно на это и рассчитывал. Значит, не обманулся. К тому же капитан был человеком весьма наблюдательным и очень редко ошибался в людях.

– Что я должен буду делать? – поинтересовался Уно.

– Задание, которое я вам хочу предложить, будет отнюдь не из легких, – сдержанно заметил капитан Мишелевский. – Но если вы его выполните, – тут капитан немного помедлил, выдержал театральную паузу, – то слава и почет вам обеспечены. Вы получите чин фельдфебеля германской армии, Крест военных заслуг второй степени с мечами и месячный отпуск, который сможете провести в Берлине. – Мишелевский широко улыбнулся и добавил: – И все это за выполнение одного задания. Где-то я вам даже завидую, господин унтер-офицер.

– Я готов выполнить задание и за меньшее вознаграждение, господин капитан, – отвечал Уно Калдма.

Он хотел было добавить, что уже давно сделал свой выбор, служит великой Германии вовсе не за чины и награды, но передумал, посчитал, что получится слишком уж много пустого пафоса.

– Я рад, что не ошибся в вас, – удовлетворенно произнес капитан Мишелевский и тотчас сделался серьезным. – Тогда сегодня вы отдыхаете, а завтра с утра и всю последую-

щую неделю мы с вами занимаемся по индивидуальной программе. Вам придется отработать легенду, вжиться в новую роль и приобрести навыки, которыми вы должны будете владеть по роду своей новой профессии. Ровно через семь суток я доставлю вас к месту выполнения вашего задания. Уверен, у вас все получится.

Унтер-офицер Калдма вышел от капитана с решительным настроением.

«В конце концов, я военнослужащий немецкой армии, обязан сражаться с противником до тех самых пор, пока тот не будет уничтожен или не выбросит белый флаг, – рассуждал он. – Эту профессию я выбрал сам. И она мне нравится. Поскольку капитан для выполнения задания, которое будет отнюдь не из легких, как он выразился, выбрал именно меня, то получается, что я, Уно Калдма, в своей профессии лучший. Я докажу это всем и самому себе.

Как там сказал капитан? Придется вспомнить свои навыки разведчика?

Что ж, вспомним».

Глава 3. Уно Калдма, он же агент Альфред

Родился Уно в бывшей Эстляндской губернии, в семье служащего железной дороги Владимира Адольфовича Калдмы. Он с детства знал помимо родного эстонского латышский, немецкий и русский языки.

Когда летом сорокового года была образована Эстонская Советская Социалистическая Республика, Уно исполнилось двадцать лет. Он уже два года носил форму члена «Кайтселийт». Так называлось добровольческое военизированное формирование, задачей которого была подготовка эстонских юношей и девушек к ведению боевых действий против Советского Союза. Уно Калдма был лучшим по многим воинским дисциплинам. Он отлично стрелял как из пистолета, так и из винтовки, а в лыжных соревнованиях ему вообще не было равных.

Когда в Эстонию пришли большевистские Советы, глава «Кайтселийта» генерал-майор Йоханнес Орасмаа был определен в исправительно-трудовой лагерь, принялся валить лес в Кировской области. Военизированные дружины без поддерж-ки государства и частных лиц как-то сами собой рассыпались. А вот боевые навыки, приобретенные в них, у людей остались.

Этим и воспользовались недобитые и не отправленные в исправительно-трудовые лагеря командиры эстонской армии и «Кайтселийта». Они и стали организовывать антисоветские подпольные группы и отряды «лесных братьев».

В один из таких отрядов попал и Уно Калдма. Он сделал это добровольно.

Отряд состоял из восьми человек под командованием бывшего капитана эстонской армии, сумевшего вовремя уволиться в запас и тем самым избежать репрессий со стороны НКВД. До лета сорок первого года он совершил несколько нападений на обозы и отдельных военнослужащих Эстонского территориального стрелкового корпуса Красной армии. Были ограблены несколько магазинов, уничтожено четыре сельсовета, расстреляны шесть председателей колхозов.

Это была настоящая борьба, сопряженная с немалым риском. Пули тут свистели по настоящему. Можно было погибнуть при столкновениях с отрядами НКВД. Этим небольшим отрезком в своей биографии Уно невероятно гордился.

После нападения Германии на СССР органы НКВД провели депортацию антисоветских, криминальных и социально опасных элементов. Из Эстонии было выселено около десяти тысяч человек.

Теперь отряды «лесных братьев» стали пополняться людьми, спасающимися от возможного ареста, депортации и мобилизации в Красную армию, несущую огромные потери. Движение «лесных братьев» за короткий срок приобрело массовый характер. Они стали нападать на советские учреждения, уничтожать их актив, завязывать бои с небольшими подразделениями, отступающими под натиском немцев, и истребительными батальонами НКВД.

Когда в середине июля сорок первого года линия фронта на неделю или чуть больше замерла в центральной части республики, по реке Эмайыге, «лесные братья» стали захватывать власть в эстонских волостях. Они заявили о восстановлении независимости своей страны и начали реанимировать местное самоуправление, существовавшее до советской власти.

Повстанческий отряд, в котором Уно Калдма сделался десятником, насчитывал к этому времени почти сорок человек. Он был неплохо вооружен и вместе с другими «лесными братьями» с переменным успехом вел бои с истребительными батальонами, пограничными подразделениями НКВД и отрядами, выделенными из Таллинского и Нарвского рабочих полков, дислоцированных на севере Эстонии, остававшимся покуда под большевиками.

Когда вся Эстония оказалась под пятой немцев, подразделения «лесных братьев» были распущены за ненужностью. Вооруженные отряды повстанцев, которые могли бы со време-

нем превратиться в партизан, новой власти были не нужны. Вместо них немцы создали вспомогательную полицию, куда охотно записался Уно Калдма.

Но послужил он в ней не так уж и долго. В декабре сорок первого года он вместе с некоторыми другими бывшими «лесными братьями» стал курсантом разведшколы абвера. Располагалась она километрах в двадцати с небольшим от Таллина, в поместье под названием Мыза Кумна, принадлежащем прибалтийскому немцу барону Мейендорфу. Разведшкола официально именовалась «Лагерем № 1» и якобы готовила полицейские кадры для несения службы на советских территориях, оккупированных фашистами.

Но это была всего лишь вывеска для несведущих. В действительности разведшкола готовила агентов и связных-радиотов для шпионской работы в тылу Красной армии и вообще на территории Советского Союза.

Начальником школы был назначен бывший капитан эстонской армии Поган Казе с оперативным псевдонимом Казик. Этот человек скорее всего являлся стародавним агентом абвера. Потому-то немцы и сохранили ему его воинское звание.

Капитан Поган Казе тоже был причастен к движению «лесных братьев». Посему к курсантам из них он относился весьма благосклонно, а с некоторыми и вовсе держался по-дружески.

К этим немногим людям принадлежал Уно Калдма. Именно Поган Казе провел его окончательную вербовку. После подписания всех причитающихся документов она тоже была отмечена рюмкой настоящего французского коньяку.

Капитан Поган Казе был лично знаком с любимцем адмирала Канариса фрегаттен-капитаном Александром Целлариусом и имел в его лице поддержку для себя и школы. Однажды, когда курсант Калдма уже оканчивал свое трехмесячное обучение, Целлариус приехал из своей ставки, расположенной в Риге, с инспекционной проверкой. Для этого он воспользовался русским автомобилем «ЗИС-101», на котором ездили высшие чины советского государства и самые важные генералы Красной армии.

Фрегаттен-капитану Александру Целлариусу, резиденту абвера по Прибалтике и Скандинавии, шефу всех разведывательных и диверсионных школ Прибалтики и Финляндии, было хорошо за сорок. Он был худощав, скромн, в речах конкретен и краток. Носил седоватые усы и старомодное пенсне. Целлариус терпеть не мог, когда его встречали с помпой, и любил обращение «капитан Келлер». Таков был оперативный псевдоним этого человека.

Много чаще, уж раз в две недели точно, в поместье Мыза Кумна приезжал помощник Целлариуса майор Шульц. У него за спиной также было немало лет службы в разведке. Он в отличие от своего шефа любил, когда в школах, будь то Мыза Кумна, Кейла-Юа, Валга, Ванонурси или Вихула, его встречали пышно и с явными изъявлениями радостного, если не сказать щенячьего, восторга.

Обычно о приезде майора Шульца начальники школ знали заранее. К его визиту все чистилось, убиралось и вылизывалось, хотя в школах в принципе всегда присутствовал должный порядок. На памяти Уно Калдмы майор Шульц приезжал в Мыза Кумна семь или восемь раз.

Когда Калдма обучался в школе, в ней было всего тридцать два курсанта, разделенных на восемь групп. Две из них были морскими. Восемь человек готовились стать радистами. Те и другие с двух часов пополудни до шести занимались по собственным программам.

Моряки учились управляться с катерами, шлюпками и байдарками, осуществлять несложный ремонт и ориентироваться на воде. Инструктором морского дела у них был некто Чацкий, которого звали Георгием Яковлевичем, что тоже, вероятно, было фикцией. Уж слишком литературно выглядела его фамилия.

Радисты изучали свою аппаратуру и работу на ключе. Особое внимание отводилось быстроте передачи текста.

Все эти премудрости курсантам преподавал Алексей Иванович Вишнеvский, или просто Вишня. Он нередко бывал под хмельком и выдавал себя тем, что старался выглядеть более трезвым, чем люди, вовсе не употребляющие алкоголь. Всякий человек, наблюдавший за его стараниями, тотчас все понимал и невольно улыбался.

Начальнику школы такая вот слабость, конечно же, не нравилось. Если Вишня в подпитии допустил бы хоть малейшую оплошность, то капитан Казе непременно отстранил бы его от занятий. А может, придумал бы и чего похуже.

Однако никаких промахов Алексей Иванович не допускал. Напротив, будучи выпившим, Вишня становился крайне строг и требователен. Завидев его после приема пары-тройки стопок, курсанты говорили друг другу: «Наш Вишня сегодня подшофе. Значит, опять будет свирепствовать».

Курсанты жили в старом деревянном доме барона Мейендорфа. Там же, в каменной пристройке, находилась столовая. Занятия же проводились в относительно новом каменном двухэтажном здании усадьбы с четырьмя высокими колоннами по центральному входу.

Общий распорядок в школе был обязателен для всех групп. Подъем в шесть утра, построение, оправка и весьма активная физзарядка с пробежкой в пять километров. Затем курсанты прослушивали объявления, которые делал сам господин капитан Казик или его помощник Александр Степанович Рыжов с оперативным псевдонимом Медведев. Этот человек успел побывать за линией фронта в образе сержанта-артиллериста Маркина, младшего лейтенанта НКВД Агафонова, старшины-связиста Марчука, военного инженера Мухина, а также артиста драмтеатра Новикова-Ашкенази. В нем и в самом деле было много от характерного актера.

Сам он про свои способности такого рода знал и, наверное, многого сумел бы добиться на театральных подмостках, если бы не стал предателем своей страны. Да этот человек и не сделался бы таковым, если бы не случилось войны.

Помимо исполнения обязанностей помощника начальника школы Александр Степанович Рыжов преподавал инженерное дело. Он вел занятия очень интересно, с огромной массой реальных примеров, подсказывающих, как можно применить собственные знания на практике. Курсанты даже порой забывали, где и для какой цели они находятся. Время на его занятиях пролетало просто мгновенно.

Еще Медведев преподавал топографию, картографию, ориентирование на местности, строевую подготовку и вооружение военнослужащих Красной армии. Словом, он был специалистом на все руки, и курсанты за глаза называли его многостаночником.

Александр Степанович выпустил в Мызе Кумна только два курса, после чего был переведен в «Лагерь № 2», разведшколу, расположенную в Кейла-Юа. Медведев стал там исполняющим обязанности начальника. Курсанты, успевшие узнать о его многочисленных талантах, такому назначению несколько не удивились.

После прослушивания объявлений следовал плотный завтрак. В восемь ноль-ноль началась так называемая общая беседа, предваряющая специальные занятия. Продолжительность каждого из них составляла сорок пять минут.

Общую беседу всегда вел хмурый мужчина средних лет, которого звали Петр Петрович. Курсанты так и обращались к нему, но совершенно верно полагали, что это не настоящее имя-отчество. Этот Петр Петрович был известен своим коллегам еще и под псевдонимами Соколовский, Эриксон, Кольберг.

Курсанты же чаще всего называли его Соловьяновым, поскольку на занятиях он заливался соловьем, рассказывая о победах германского оружия, развале Красной армии и катастрофически бедственном положении русского народа на территориях, не захваченных покуда доблестными немецкими солдатами. Когда Соловьянов говорил о колхозном рабстве советских крестьян и их бесправном, совершенно бедственном положении, у него самого едва слезы не наворачивались на глаза.

Курсанты, конечно, понимали, что слова Петра Петровича во многом есть не что иное как немецкая пропаганда и промывание мозгов, однако частенько мрачнели и невольно исполнялись ненавистью к советскому строю и вообще большевизму. Пропагандисты в разведшколе были умелые, надо отдать им должное. А когда Соловьянов красочно рассказывал об успешном развитии сельского хозяйства на землях, освобожденных немецкой армией от Советов, о благой и сытой жизни бывших советских крестьян, лица курсантов светлели.

Да уж, чего-чего, а убеждать господин Соловьянов умел очень даже неплохо. Повстречайся ему на пути товарищ Сталин, так он и его обратил бы в свою веру. Может быть.

Помимо обязанности пропагандиста, Петр Петрович преподавал курсантам такие предметы, как средства и методы агентурной разработки и собственно разведки. Они не просто так считались главными во всей подготовке.

Этот Петр Петрович был очень умным и хитрым человеком. Не случайно его приглашали преподавать означенные дисциплины и в другие разведшколы.

Далее шла обязательная для всех курсантов программа обучения азам радиодела, шифровки, составления кратких, но содержательных сообщений, работы на ключе Морзе по приему и передаче. После чего, ровно в полдень, был обед. Простой, солдатский, но очень сытный и вполне съедобный. Далее следовал отдых до двух часов дня, когда можно было прогуляться по большому парку, разбитому в центральной части Мызы Кумна, позаниматься в спортгородке, поиграть в футбол или банально вздремнуть.

После отдыха две морские группы и радисты занимались по своему расписанию. Остальные курсанты до шести вечера практиковались в стрельбе из различных видов оружия вместе с вездесущим многостаночником Медведевым, изучали профилирующие дисциплины, тренировались в умении изобразить на бумаге лицо конкретного человека, что очень ценилось, составить словесный портрет. Они слушали спецкурс по методам работы органов НКВД, о которых практически все знал бывший майор, особист Красной армии Николай Будник. Это имя было таким же псевдонимом, как и его вторая фамилия – Скворцов.

Час после окончания занятий именовался временем самообслуживания. Курсанты были обязаны заняться чисткой одежды и обуви, пришиванием пуговиц, подворотничков, стиркой белья и прочими житейскими делами, касающимися гигиены и внешнего вида.

В девятнадцать ноль-ноль был ужин. После него до половины десятого вечера дежурная группа курсантов проводила хозяйственные работы на территории школы, а остальные группы имели так называемое личное время, мало отличающееся от часа самообслуживания.

В половине десятого происходило построение всех курсантов перед новым зданием усадьбы для вечерней поверки. В десять ровно объявлялся отбой.

И так три месяца подряд. У некоторых выходило и подольше. Самые одаренные курсанты готовились по индивидуальным программам, рассчитанным на большее время.

По окончании курсов кто-то оставался при школе, но таковых было мало, обычно два-три человека с потока. Остальные же новоиспеченные агенты-шпионы передавались с рук на руки в то или иное управление «Абвер-Заграница», приданное штабу конкретного воинского соединения или армии, действующей на определенном участке фронта.

Учеба была завершена. Уно Калдма получил псевдоним Альфред. Он вместе с агентом Томасом и радистом Полетовым был придан «Абверкоманде-104», действующей при группе армий «Север».

Располагалась команда в Пскове. Недалеко от аэродрома она имела переправочный пункт, где группа Томаса – именно он был старшим в команде – получила советские военные документы и экипировку. Томас стал старшим лейтенантом, Альфред – младшим сержантом, радист Полетов – рядовым. По легенде все они были связистами, прошедшими краткосрочные курсы в Москве.

Потом все трое неделю готовились к выполнению задания. Знать им следовало немало. Для запоминания сведений была применена специальная методика. В случае невозможности выполнения основного плана предусматривалось несколько запасных вариантов.

Немало времени уделялось поведению при встрече с комендантским патрулем. Детально отработывались возможные вопросы и самые приемлемые ответы на них.

Не исключался вариант задержания кого-то из них органами НКВД или контрразведки. При разоблачении агенту рекомендовалось идти на сотрудничество, чтобы не поставить под угрозу провала всю группу. Но при следующем сеансе связи этому человеку надлежало тайным знаком сообщить в Центр, что он работает под наблюдением русских. Далее перевербованный агент должен был согласиться на обратную отправку, что позволило бы ему избежать гибели.

Экзамен принимал лично начальник «Абверкоманды-104» подполковник Гемприх, он же Петергоф. Этот человек много спрашивал, выглядел недоверчивым и хмурым, но в итоге остался доволен результатами.

После этого в стандартных командировочных предписаниях всех трех членов группы была сделана запись:

«Направляется командованием стрелкового полка 1273 в в/часть № 723 для выполнения специального задания».

На следующий день группу отвезли на аэродром. Там сам подполковник Гемприх произнес короткое напутствие.

Он заключил его словами, обязательными в таких случаях:

– С нами Бог!

Затем группа Томаса погрузилась в пузатое брюхо транспортного самолета; механик закрыл люк, загудели двигатели, разогреваясь. «Юнкерс» совершил короткий разбег, взмыл в воздух и взял курс на северо-восток.

После двух часов полета группа была сброшена в тылу 368-й стрелковой дивизии 7-й отдельной армии генерал-лейтенанта Трофименко. Разведчики приземлились под селом Ошта, где немцы и финны были остановлены в апреле сорок второго года.

Разведгруппа, конечно же, собирала данные о дислокации воинских частей, аэродромов, складов с боеприпасами и расположении минных полей. Но Ошта стояла на дороге, ведущей в Ленинград. Поэтому немецких агентов весьма интересовали еще и сведения о передвижении транспортных средств и грузов в сторону осажденного города.

Успешно прошла не только высадка. Трое шпионов скоро затерялись в общей массе красноармейцев. Они собирали нужные разведданные и отправляли их куда следует с помощью радиопередатчика «Телефункен», который был упакован в потрепанный чемоданчик, каковых в руках офицеров и гражданских лиц можно было увидеть в великом множестве.

Две с половиной недели разведгруппа работала в плотном режиме, радовала важными сведениями как свое начальство, так и командование немецких и финских частей, которые противостояли армии генерал-лейтенанта Трофименко.

На девятнадцатый день командировки пришла радиограмма с обозначением координат коридора, по которому группе надлежало уйти за линию фронта. Переход должен был совершаться ночью, в двух километрах западнее Ошты. Разведчики получили приказ идти напрямик на деревню Залесье, где расквартировался батальон финской армии.

Группа уже почти добралась до линии фронта, когда на одной из проселочных дорог была остановлена военным патрулем во главе с совсем юным младшим лейтенантом.

Он отдал честь Томасу, на котором была форма старшего лейтенанта, и произнес срывающимся, ломким баритоном:

– Товарищи, попрошу предъявить ваши документы.

– Представьтесь, пожалуйста, – проговорил Томас, нахмурил брови и строго посмотрел на младшего лейтенанта. – Или вас этому не учили?

– Начальник военного патруля младший лейтенант погранвойск НКВД Бармин, – сухо произнес офицер и снова козырнул. – Ваши документы.

– Пожалуйста, – сказал Томас и достал свои документы из нагрудного кармана.

Привычно потянулись за солдатскими книжками и Альфред с Полетовым.

Бармин стал внимательно разглядывать документы старшего лейтенанта. Он выискивал в них тайные знаки в виде лишней точки, пропущенной запятой или плохо пропечатанной буквы.

Так, удостоверение личности. Все в полном порядке.

Начальник патруля нашел на бланке командировочного предписания ту самую запятую, пропущенную в положенном месте, хмыкнул, хотел было вернуть документы старшему лейтенанту, да вдруг раздумал. Служебное рвение по молодости лет и незначительности офицерского звания еще не выветрилось из него и требовало выхода.

– Вот у вас в командировочном предписании написано, что вы выполняете специальное задание, – прищурившись, обратился к Томасу младший лейтенант Бармин. – А какое такое специальное задание может быть у вас здесь, на проселке, между двумя сожженными деревьями и в непосредственной близости к линии фронта?

– С какой целью интересуетесь, товарищ младший лейтенант? Это что, допрос? Я вовсе не обязан докладывать вам о своем задании, которое к тому же является секретным, – не очень-то вежливо проговорил Томас, стараясь оставаться спокойным и незаметным движением расстегивая кобуру.

– Хорошо, – согласился дотошный начальник патруля. – Вы действительно не обязаны это делать. А что у вас при себе? – Он указал на чемодан в руках Полетова. – Попрошу предъявить для досмотра.

– Это на каком основании? – спросил Томас, нахмурился, почувствовал, что его спутники напряглись, и мельком глянул на Альфреда.

Взгляд Томаса, который успел поймать Альфред, означал команду: «Спокойно! Пока ничего не предпринимать!»

– А на таком, что проверка личных вещей военнослужащих является служебной необходимостью, – холодно ответил Бармин. – Или вы этого не знаете? У нас, как и у вас, служба, – добавил младший лейтенант и притворно вздохнул, словно ему самому было неприятно совершать то, что предстояло сделать, и он очень устал от всего этого.

Ситуация продолжала накаляться. Главное – не поддаваться эмоциям. Разведчик должен оставаться хладнокровным даже в самой сложной обстановке.

– Это мой чемодан, – заявил Томас. – В нем мои личные вещи, и ничего более.

– Ну и что? – буркнул Бармин и пристально посмотрел на старшего лейтенанта.

– А то, что права обыскивать офицера у вас нет. Устав внутренней службы надо учить, товарищ младший лейтенант, – отрезал Томас.

Последнюю фразу он выговорил четко и с видимым раздражением.

– А никто и не собирается вас обыскивать. – Младший лейтенант Бармин явно занервничал.

Сейчас на кону стоял его личный авторитет, который мог рухнуть перед глазами подчиненных. В военное время это недопустимо.

– Просто покажите, что у вас в чемодане. Сами. Добровольно. Большого от вас не требуется.

– Хорошо, – сказал Томас и снова кинул быстрый взгляд на Альфреда.

Тот прекрасно понял, что означает этот взгляд, в то же мгновение сдернул автомат с плеча и полоснул из него короткой очередью в младшего лейтенанта.

Тот охнул, схватился за грудь и осел. Он удивленно глядел на младшего сержанта и не осознавал, что уже мертв. Падая, парень краем глаза увидел злорадную ухмылку Альфреда и

белесое небо над его головой. Сердце младшего лейтенанта, столь необдуманно выбравшего свою судьбу, по инерции стукнуло еще несколько раз и остановилось.

В тот же миг Томас выхватил пистолет из кобуры, расстегнутой загодя, и выстрелил сначала в одного патрульного, затем в другого, который все же успел кинуться в сторону. Красноармеец, раненный в плечо, упал, затем быстро поднялся, зажал ладонью кровоточащее плечо и побежал, пригибаясь, по проселку в сторону густого перелеска.

– Добей его! – приказал Томас.

Уно Калдма кивнул, неторопливо прицелился и нажал на спусковой крючок. Раздалась короткая очередь. Раненый дернулся так, словно получил сильный удар в спину, несколько мгновений постоял, будто припоминая что-то важное, а затем рухнул лицом в дорожную грязь.

– Бегом в лес! Куда-нибудь поглубже! – приказал Томас. – Нас уже услышали! Отсидимся пока там, будем выдвигаться, когда поутихнет.

Разведчики до самой полуночи прятались на болотах, а потом пошли в сторону линии разделения своих и чужих. Коридор перехода через фронт оказался чист. Под прикрытием темноты они быстро миновали ничейную полосу и, уже не скрываясь, пошли к передовой финнов.

Там их уже ждали, спросили условленный пароль.

– Петергоф, – ответил Томас.

Это был оперативный псевдоним начальника «Абверкоманды-104» подполковника Гемприха.

Финские солдаты провели немецких разведчиков в землянку, где их встретил заместитель начальника команды обер-лейтенант Людвиг Эбере, которого среди своих звали Херст.

Он поздравил своих людей с возвращением.

– Спасибо, – ответил за всех Томас и наконец-то позволил себе расслабиться.

Тот же обер-лейтенант Херст по прибытии разведчиков в Псков учинил всем троим скрупулезную проверку. Он занимался этим вместе с капитаном Мартинкусом Клеменасом, который отвечал в «Абвергруппе-104» за индивидуальную подготовку агентов. К этому делу часто подключался и зондерфюрер Вольдемар Лангис. В Пскове и в разведпункте, расположенном в Изборске, его знали под псевдонимом Ланге.

Агентов, вернувшихся из-за линии фронта, всегда проверяли на предмет связи с советской контрразведкой, причем с особой тщательностью, поскольку боялись перевербовки. Этот процесс назывался карантином. Он нередко продолжался по несколько недель, пока сведения, полученные от самого агента, проверялись по другим источникам.

Особенно изощрен был на всякого рода уловки зондерфюрер Ланге. Полгода назад он даже заставил агента с псевдонимом Тихий в интересах дела жениться на женщине, служащей абвера, работавшей в одной из секретных лабораторий и сотрудничающей с самим Ланге. Зондерфюрер рассчитывал, что если Тихий перевербован советской контрразведкой, то он непременно станет выуживать у новоиспеченной супруги сведения о том, чем она занимается и что вообще творится в секретной лаборатории. Но Тихому, похоже, была безразлична как эта тайная контора, так и сама новоиспеченная жена.

Тогда супруга Тихого получила от Ланге задание спровоцировать своего благоверного. Для этого был выбран самый подходящий момент – интимная близость, когда мужчина предельно раскрепощен и откровенен.

– Почему ты работаешь против своих? – спросила женщина, и Тихий, нисколько не задумываясь, ответил:

– Они мне не свои.

Этот ответ немедленно был донесен зондерфюреру Ланге, и тот вызвал Тихого на очередной допрос.

– Выходит, мы для вас не свои? – после нескольких ничего не значащих фраз вдруг спросил зондерфюрер.

Тихий недоуменно посмотрел на Ланге и промолчал.

– Что, не понимаете вопроса?

– Не понимаю, господин зондерфюрер, – ответил Тихий, который и на самом деле не мог уразуметь сути дела.

– В разговоре с вашей супругой вы сказали: «Они мне не свои». Только не вздумайте отказываться от своих слов. – Ланге достал из кармана небольшую памятную книжку, раскрыл ее. – Вот, у меня записано. Когда ваша жена спросила вас, почему вы работаете против своих, вы именно так ей и ответили.

– Вот оно что. Так это не вы мне не свои, а Советы. Русские то есть, – пояснил Тихий. – Я же против них работаю.

– И только?

– И только, – ответил агент, проходящий проверку.

Вот этот самый зондерфюрер Ланге и достался Уно Калдме в качестве персонального проверяющего на предмет перевербовки русской контрразведкой. Подобное решение руководства было скверным знаком для агента.

Для беседы Ланге подобрал тесную комнату, буквально давившую своими стенами и низким, как бы нависающим потолком. Уно полагал, что сконструирована она была специально для подобных разговоров, в чем угадывался определенный смысл. Человеку, допрашиваемому здесь, трудно было сосредоточиться в гнетущей и давящей тесноте. Ему приходилось учитывать и тот факт, что на него постоянно смотрели строгие холодные глаза, подмечающие малейшие движения лицевых мышц. Уно прекрасно понимал, что предстоящий разговор следовало воспринимать всерьез, настраиваться на разного рода неожиданности и даже провокации.

Но сначала были проведены долгие перекрестные допросы, в которых участвовали все трое – обер-лейтенант Херст, капитан Клеменсас и зондерфюрер Ланге. Они поодиночке сажали кого-либо из членов группы напротив себя и начинали поочередно задавать ему вопросы. Самые разные. Иногда совершенно сторонние. Это делалось для того, чтобы сбить человека с толку, поставить его в тупик, посмотреть, как он будет выбираться из затруднительного положения, а затем проанализировать все это.

Главное условие тут было таковым: на вопросы подопытному следовало отвечать быстро, не раздумывая. Уно Калдма едва поспевал это делать.

Некоторые вопросы часто повторялись. В этом заключалась суть словесной ловушки.

К примеру, задавался такой вопрос:

– В каком звании был начальник военного патруля, который остановил вас и потребовал предъявить документы?

– Младший лейтенант, – отвечал Калдма.

А через десяток вопросов снова звучало:

– Какое звание имел начальник военного патруля, который остановил вас для проверки документов?

Или так:

– Что вам сказал офицер русской контрразведки при задержании?

И это при том, что никакого задержания военной контрразведкой не было.

Говорить следовало точно, спокойно, безо всякого раздражения. Такое испытание выдерживал не каждый. Нередко после подобных допросов проштрафившегося агента переводили в лагерь для военнопленных.

Два дня изнурительных перекрестных допросов! Конечно, все, сказанное на них, проверялось и сличалось с показаниями остальных членов группы, то есть Томаса и Полетова. Проверялась и достоверность разведывательных сведений, полученных от группы. Пока все это не

закончится, извольте, милейший, находиться в камере-одиночке, похожей на пенал из бетона, длина которого чуть больше деревянного топчана. Лампочка, вечно горящая под потолком и закрытая проволочным колпаком, дверь, обитая толстой жестью, с оконцем посередине, через которое подается скудная еда.

На третий день по возвращении Уно наконец-то обрел свободу. Он опять получил возможность просто ходить по городским улицам и перекинуться парой фраз со знакомыми людьми. Раньше Калдма воспринимал такое как нечто совершенно естественное, само собой разумеющееся. Теперь агент Альфред понял, что на самом деле это весьма приятная штука. Не говоря уж о звании ефрейтора немецкой армии, которое было присвоено всем троим, и Кресте военных заслуг второй степени с мечами. Эту награду агенты вот-вот должны были получить в торжественной обстановке.

Но вскоре выяснилось, что ничего еще не закончилось. Через пару дней началась персональная, изошренная проверка. Она была направлена не столько на выявление реальной связи с советской контрразведкой, сколько на выяснение самой возможности подобного контакта.

Эту проверку с Альфредом вел Ланге. Конечно же, зондерфюрер совсем не был похож на какого-то киношного злодея или маалуса. Так в эстонской мифологии назывались уродливые недобрые гномы, которые выковали корону змеиному царю.

Ланге и правда был небольшого росточка, но лицо его выглядело вполне добродушным. Хотя за улычивостью, разговорчивостью и вежливостью зондерфюрера скрывались хитрый расчет и превосходное знание человеческой породы.

Встречи Ланге с Альфредом были нечастыми. Они не походили на допросы, скорее напоминали изошренные дружеские беседы, в которых Ланге непременно что-то вкрадчиво выведывал. Он пристально смотрел в глаза своему собеседнику и отмечал все его произвольные жесты.

После одной из таких встреч, как бы случайной, Ланге завел речь о том, что двадцать три года – возраст уже вполне зрелый и весьма подходящий, для того чтобы обзавестись семьей.

– А как же профессия разведчика? – резонно поинтересовался Уно. – Меня могут убить, взять в плен. Как будет жить моя жена или вдова? А если у нас еще и появятся дети?

– Великая Германия и фюрер всегда заботятся о подданных, честно исполняющих свой долг, – ответил Ланге и добавил: – Ваша семья, конечно же, не станет исключением.

«Не обманешь! – решил для себя Уно Калдма, вспомнив про недавний случай с агентом Тихим. – Если ты, Ланге, предложишь мне жениться, то я откажусь. А там пусть как сложится!»

Но зондерфюрер Ланге разговоры о женитьбе более не заводил. Наверное, это было связано с новым заданием, к которому инструкторы стали готовить группу Томаса. Теперь агенты абвера должны были переквалифицироваться в саперов, выполняющих особо важное задание советского командования.

После десятидневного ознакомления с работой саперов разведчики были переселены на конспиративную квартиру в Пскове на улице, которая при большевиках называлась Советской. Там они получили конкретное задание, обмундирование, документы и под руководством подполковника Гемприха стали обрабатывать легенду, под прикрытием которой должны были вести разведку в тылу Красной армии.

Первым небрежность в изготовлении документов заметил Томас. Его офицерское удостоверение личности имело слишком плотную и качественную бумагу, каковая в Красной армии не используется. Пресловутые металлические скрепки были сделаны из нержавеющей проволоки.

Когда на конспиративную квартиру зашел обер-лейтенант Херст, чтобы справиться о готовности группы к вылету, Томас заявил ему, что с такими документами он категорически отказывается от выполнения задания.

– А что такое? – Обер-лейтенант Херст попытался изобразить искренне удивление и строго посмотрел на агента.

– Мое удостоверение личности совершенно никуда не годится, – громко возмутился Томас, потрясая документами, которые держал в руках. – Бумага слишком плотная, а скрепки для документов у русских делаются из простой проволоки, а не из нержавеющей стали. На территории Советов, господин обер-лейтенант, я как агент доживу только до первого патруля, который непременно меня арестует и отправит под конвоем в ближайшее отделение НКВД. – Томас с нескрываемым удивлением посмотрел на обер-лейтенанта Херста и спросил: – Кто эти документы делал?

– Дмитрий делал, – ответил Херст, назвав кличку сотрудника «Абверкоманды-104» Белявского, занимающегося изготовлением фальшивых документов для агентов.

– Дмитрий, значит. Руки бы ему оторвать за такую работу! А еще лучше самого отправить к русским с этими самыми документами! – жестко заключил Томас.

Обер-лейтенант хмыкнул, чуть промолчал и спросил Альфреда:

– А вы ничего такого не заметили в своих документах?

– Заметил, – ответил Уно Калдма. – У меня продовольственный аттестат заполнен на старом довоенном бланке. Да и нормы пайка на фронте у русских уже давно другие.

Обер-лейтенант обернулся к радисту Полетову:

– Ну а вы увидели что-нибудь неладное в своих документах?

Оказалось, что радист ничего подобного не заметил.

– В абвере работают хорошие специалисты. Я доверился им и просто не стал особо приглядываться, – растерянно сказал он.

– Просто? – Обер-лейтенант Херст вдруг сделался подозрительным. – Значит, вы у нас плохо учились. Нужно подвергать сомнению абсолютно все, даже собственные документы.

Больше радиста их группы ни Томас, ни Альфред не видели. Полетов был русский, а к ним доверия у немцев было куда меньше, нежели к прибалтам и украинцам, которых в разведшколе Мыза Кумна было абсолютное большинство. Возможно, Полетова стали использовать как-то иначе или же отправили в Таллин, в штрафной лагерь, для дополнительной проверки.

Как выяснилось немного позже, это новое задание было всего лишь очередной проверкой. Такой ход задумал хитроумный зондерфюрер Ланге, ревностный последователь знаменитого полковника Вальтера Николаи, главы германской разведки во время империалистической войны. Тот любил повторять, что благоразумная недоверчивость – мать безопасности.

Выдавая агентам некачественно сработанные документы, Ланге решил проверить, насколько их волнует вопрос собственной безопасности, как сильно они боятся попасть в руки контрразведчиков НКВД. Получилось, что радист Полетов к своему вероятному задержанию относился без должного опасения. Этот факт настораживал руководство «Абверкоманды-104» и совершенно не устраивал его.

Группу, оставшуюся без радиста, вскоре расформировали. Томаса сделали сотрудником одного из филиалов «Абвергруппы-104», а Альфред был командирован для дополнительного обучения в разведывательно-диверсионную школу, базирующуюся в эстонском местечке Ванонурси и носящую условное название «Малепартус».

Разведывательно-диверсионная школа появилась в Ванонурси летом сорок второго года. Она работала на нужды «Абверкоманды-204», которая была в ведении отдела «Валли-2» управления «Абвер-Заграница». Основным направлением деятельности этих структур была уже не разведка, а проведение диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной армии или непосредственно в расположении ее частей и подразделений.

Альфред попал в школу, когда ее первый набор уже начал проходить обучение. Но поскольку ефрейтор Уно Калдма был из числа агентов, обучавшихся ранее в разведшколе

Мыза Кумна, то он был принят, несмотря на опоздание. К тому же оно случилось не по его вине.

Надо сказать, что именно на таких агентов, уже прошедших курсы обучения в других заведениях, делал ставку начальник школы лейтенант Зинке. В зачет, разумеется, пошло еще и то обстоятельство, что ефрейтор Калдма уже побывал в качестве разведчика за линией фронта, то есть имел определенный опыт.

Альфред стал девяносто восьмым по счету курсантом школы. Он попал во взвод, командиром которого был некий Василий Александрович, зовущийся по бумагам Евгением Кузьминым.

Этот человек тридцати с небольшим лет был из семьи русских белоэмигрантов. В конце ноября сорок первого года он окончил разведшколу, расположенную на юге Эстонии, в городе Валга.

Кузьмин уже дважды побывал за линией фронта, о чем как-то однажды обмолвился на занятиях. Со второго задания из группы в четыре человека вернулся только он, раненный в ногу. После тщательнейшей двухнедельной проверки Евгений был оставлен в школе и какое-то время преподавал ориентировку на местности. С открытием диверсионной школы в уютном зеленом местечке Ванно-Нурси он был переведен в нее на должность командира взвода курсантов с исполнением еще и обязанностей пропагандиста. По мнению начальника школы лейтенанта Зинке, Кузьмин отлично справлялся со всем этим.

Во взводе Василия Александровича старшим одной из восьми групп был назначен ефрейтор Уно Калдма под своим прежним оперативным псевдонимом Альфред. Среди курсантов было очень немного таких людей, которые уже успели побывать в тылу у русских и даже получили за это боевые награды. Так что Калдма пользовался вполне заслуженным авторитетом.

Школа под кодовым названием «Малепартус» готовила диверсантов-подрывников, разведчиков, организаторов повстанческого движения в тылу противника, ликвидаторов для проведения терактов против командного состава Красной армии и агентов, предназначенных для активной борьбы с партизанами. Вот тут-то ефрейтор Уно Калдма и нашел себя. На практических занятиях по уничтожению часовых, взаимодействию с остальными участниками группы и их прикрытию, ориентированию на местности, маскировке, стрельбе и метанию ножей Альфреду не было равных. Силен он был и в подрывном деле, одной из основных дисциплин, преподаваемых в диверсионной школе.

Что касается физической подготовки, то тут ему здорово помогли занятия лыжами и борьбой в дружине «Кайтселийт». Однажды в тренировочном поединке Альфред припечатал к мату обер-фельдфебеля Артура Кайлета, который преподавал приемы самообороны. Этого еще никому из курсантов проделать не удавалось. Поэтому Альфред снискал еще большее уважение остальных учеников школы.

Похуже было у него со строевой подготовкой и радиоделом. Но принимать участие в парадах и становиться радистом Альфред и не собирался.

По воскресеньям курсантам разрешалось покидать школу с часу до пяти пополудни. Им выдавались увольнительная за подписью лейтенанта Зинке и нарукавная повязка белого цвета. Текст на ней пояснял всем и каждому, что этот человек служит в немецкой армии.

Увольнительная, это, конечно, замечательно. Но вот куда было идти? Переться на соседние хутора, чтобы поглазеть на крестьянский досуг? Так нового и интересного там ничего не увидишь.

Топать до ближайшей пивной? Ладно, пару кружек еще можно было выпить, а дальше что делать? Идти обратно в лагерь? До ближайшего города Выру было без малого десять километров. Не разгуляешься, в общем.

Через два месяца новоиспеченные агенты закреплялись в группах по три-четыре человека. Иногда до двенадцати. Это если их заданием, к примеру, был захват и уничтожение

железнодорожного узла, моста, электрической станции, склада с оружием и иных стратегически важных объектов.

Группы экипировались в форму военнослужащих Красной армии, флота или войск НКВД, снабжались документами и всем необходимым для выполнения поставленной задачи. Потом они отъезжали в Псков, в распоряжение «Абверкоманды-204», где получали последний инструктаж с напутствием.

Альфред был выпущен из диверсионно-разведывательной школы и попал в прифронтовую «Абвергруппу-207», которой командовал тогда капитан Эрнст Мишелевский. Тот прочитал личное дело Калдмы и определил его в подчинение унтер-офицеру Райнеру, командиру ягдкоманды «Тунфиш», в обязанности которой входило выявление партизан и подпольщиков.

Вот где ефрейтору Уно Калдмегодились навыки, полученные в диверсионной школе «Малепартус». Вскоре он получил унтер-офицерское звание и стал командиром отделения в ягдкоманде «Тунфиш».

Весной сорок третьего капитана Мишелевского назначили начальником «Абвергруппы-206». Он взял с собой унтер-офицера Калдму и отдал его в подчинение лейтенанту Августу Роотсу, командиру ягдкоманды.

К июлю партизан не осталось не только в окрестностях Писаревки, где базировалась «Абвергруппа-206», но и много дальше. После уничтожения из огнеметов трех парашютистов русские в эту часть Слобожанщины диверсантов больше не засылали. Работы у ягдкоманды заметно поубавилось.

К тому же для задумки капитана Мишелевского унтер-офицер Уно Калдма подходил идеально. Он был молод, бесстрашен, люто ненавидел русских. У него за плечами помимо диверсионной еще и разведшкола, блестящее выполнение задания за линией фронта.

Словом, лучшей кандидатуры и не подобрать.

Глава 4. Орден Красного Знамени

Двадцать седьмого июля в расположение пятьсот двадцатого полка въехал трофейный автомобиль «Вандерер». Сзади сидел немолодой офицер с погонами майора.

Автомобиль подъехал к дому культуры, где располагался штаб части, и остановился под топодем, в глубокой тени. Из машины выбрался тот самый майор, огляделся, прошел в здание штаба и показал дежурному офицеру красную книжечку с надписью:

«НКО

Отдел контрразведки СМЕРШ

167-й стрелковой дивизии».

Потом он неторопливо поднялся на второй этаж, прошел по коридору до двери отдела СМЕРШ, стукнул два раза из вежливости и, не дожидаясь разрешения, вошел.

Егор Ивашов сидел за столом и что-то писал.

При появлении непосредственного начальника он встал, вытянулся в струнку и заявил:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Здравствуй, Егор Фомич, – сказал майор, подошел к столу и протянул руку.

– Здравствуйте, Георгий Фомич. – Младший лейтенант Ивашов пожал руку майору

Стрельцову.

– Ты сильно занят? – поинтересовался тот.

– Да не так, чтобы очень, – ответил Егор, весьма озадаченный приездом начальника отдела контрразведки СМЕРШ дивизии.

– Тогда собирайся, – без обиняков заявил майор Стрельцов. – Поедешь со мной!

Куда и зачем? Нет, такие вопросы обычно начальству не задаются. Младшему лейтенанту оставалось только исполнять распоряжение, как того требовала военная дисциплина. Поэтому Ивашов молча кивнул, убрал бумаги в сейф, вышел из-за стола, пропустил майора вперед, покинул кабинет и запер дверь на два оборота ключа.

В «Вандерер» они сели так: майор Стрельцов впереди, на командирском месте, младший лейтенант Ивашов – сзади. Водитель завел мотор, и машина тронулась в путь.

Семь километров до Кияницы они ехали без малого сорок минут. Уж больно ухабиста да заковыриста была дорожка. По некоторым самым разбитым местам автомобиль буквально проползал, царапая днищем израненную землю.

Ехали молча, сосредоточенно. Майор Стрельцов не считал нужным сообщать Ивашову цель поездки, а Егор знал свое место, не смел спрашивать.

Штаб сто шестьдесят седьмой дивизии находился в Киянице. Когда-то это был неприемный хуторок, расположенный в двадцати верстах от города Сумы. Потом из него понемногу вырос небольшой поселок. Он стоял на речке Олешне и славился сахарным заводом с машинами и иноземным оборудованием, что не в каждом уездном городе встретишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.